

Автодокументальные дискурсивные практики конструирования идентичности Минец Д. В.

*Минец Диана Владимировна / Minets Diana Vladimirovna – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра отечественной филологии и прикладных коммуникаций,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Череповецкий государственный университет, г. Череповец*

Аннотация: в рамках настоящей статьи рассматриваются мужские и женские автодокументы на предмет выявления структурно-содержательных элементов и типичных лингвокогнитивных механизмов конструирования различных типов идентичности в автодокументальном дискурсе. Содержание языковых механизмов конструирования идентичности в автодокументальном дискурсе обусловлено типом идентичности и степенью ее ситуативной детерминированности (автодокумент как способ конструирования идентичности).

Ключевые слова: эго-дискурс, автодокумент, персональная идентичность, автообраз, автодокументальные дискурсивные практики.

Идентичность, являясь одним из ключевых понятий человеческого миропонимания, - осмысления, - интерпретации, сегодня активно осваивается различными областями гуманитарного знания в связи с общей установкой на междисциплинарность как ведущим принципом современной науки, отвечающим культурным и социально-политическим изменениям, происходящим в мире. Идентичность, будучи термином, выражающим определенную систему отношений ($O \leftrightarrow O, S \leftrightarrow S$), обязательно предполагает наличие «Другого», становящегося тем самым структурообразующим и идентификационным параметром. Само определение идентичности как психологического феномена восходит к теории Э. Эриксона (введено в междисциплинарный оборот еще в 60-е гг. XX в.), где напрямую постулируется, что идентичность вырабатывается в сознании субъекта в процессе накопления им социального опыта и находит выражение посредством его речи [14, с. 59]. В связи с этим Э. Эриксоном особо подчеркивается при изучении персональной идентичности значимость автодокументов и – в частности – автобиографий, содержащих определенные «знаки идентичности», как типические для социального окружения личности, так и индивидуализированные.

Особенно важен тот факт, что именно в лингвистике идентичность может быть квалифицирована как «дискурсивно и интерпретативно конструируемая сущность, зависящая от многих исторических и социально-культурных условий общения и действительности» [2, с. 4].

Язык в этом смысле выступает не только как способ репрезентации «Я» человека, но и как средство конструирования его идентичности, осуществляющего «себя в самом процессе само(о)писания» [13, с. 278] (в том числе – и частичное объяснение сущности глубинного уровня сознания посредством вербальной экспликации своего «Я»).

Общий корпус авторских текстов для анализа представлен произведениями различных жанровых модификаций автодокументальной прозы:

– женские автодокументы: записки Н. А. Дуровой («Записки кавалерист-девицы»), письма Н. А. Захарьиной к А. И. Герцену 1835 – 1838 гг., четыре дневника – М. К. Башкирцевой («Дневник»), З. Н. Гиппиус («Contes d'amour», «Петербургский дневник»), Г. Н. Кузнецовой («Грасский дневник»), диалогия мемуаров И. В. Одоевцевой («На берегах Невы»; «На берегах Сень»), автобиография Н. Н. Берберовой («Курсив мой»), сводные тетради М. И. Цветаевой («Сводные тетради»);

– мужские автодокументы: записки Н. С. Гумилева («Записки кавалериста»); автобиография М. Шагала («Моя жизнь»), В. Ф. Ходасевича («Некрополь»), а также дневники М. А. Кузмина, А. А. Блока и В. Нижинского.

Попытка типологизации моделей построения идентичности в автодокументе представлена различными векторами:

А) автодокумент как способ вербального существования автора и построения его персональной идентичности:

– «Дневник 1934 года» М. Кузмина – последняя книга поэта, запечатлевшая его интеллектуальный облик. Неудовлетворенность собственным статусом в советском культурном пространстве, кризис ролевой самоидентификации и поиски утерянной идентичности – доминирующие метабиографические темы текста. В этом смысле акт повседневного само(о)писания позволяет автору продлить свое вербальное существование [6].

– Тетради В. Нижинского ярко демонстрируют различного рода нарушения действия механизма вероятностного прогнозирования, имеющего место при шизофрении. На протяжении всего текста наблюдается самоидентификация с Богом и Христом, что и послужило основанием для постановки ему врачами соответствующего диагноза. Самоотожествление с Богом завершается логическим присвоением себе характеристик всего, что находится вокруг, всего предметного и абстрактного, живого и неживого. Текст документально фиксирует последовательный распад личности танцовщика [10].

Б) автодокумент как модель жизнотворчества:

– Собственная идентичность в дневнике «Contes d'amour» (1893 – 1904 гг.), отражающем реальный опыт интимных отношений того периода, З. Н. Гиппиус строится на основе дихотомии «плотское» – «духовное», «мужское» – «женское», «мерзкое» – «хорошее». Концептуальное осмысление и структурирование «скрытых свойств» собственной личности» осуществляется посредством нарочитого акцентирования собственной «дружести», в основе которой идеал совершенного (по ее концепции – андрогинного) человека [7].

– «Записки кавалериста» Н. С. Гумилева (1986 – 1921) представляют собой документальную повесть, описывающую период военной службы поэта в Лейб-гвардии Уланского полка 1914-1916 гг. Важная стилистическая деталь повествования – отсутствие в корреспонденции слова «враг», только – «неприятель», «противник». Страх смерти является табуированной темой записок. Текст, обнаруживающий черты апологии войны, определяет и соответствующую тактику самопрезентации, следствием чего становится превалирование местоимения «я» даже в тех случаях, когда речь действительно идет о коллективной идентичности: «конкистадорская» риторика поэта – дань жизнетворческой стратегии, определившей его Я-концепцию.

– Записные книжки и дневники Александра Блока включают в себя тексты, сделанные в период с 1901 по 1921 год. Основу персональной идентичности автора в тексте составляют следующие концептуальные доминанты: «Прекрасная Дама» и «Искусство» («Творчество»). Собственная идентичность строится через взаимоотношения с Л. Д. Менделеевой. С 1910 года в текстах наблюдается нарочитое семантическое снижение образа, совпадающее с известными событиями в биографии А. Блока и Л. Менделеевой. В записях 1919 года Блок де-факто ставит точку в отношениях с Менделеевой, подводя итог почти двадцатилетнему мистическому опыту. Вторым наиболее актуальным маркером авторской идентичности в дневниках и записных книжках является отношение Блока к искусству. Авторская рефлексия проявляет себя в двух векторах профессиональной идентичности: 1) через анализ собственного творчества; 2) через выражение личного отношения к творчеству других художников. Процесс отчуждения градиционно изменяется в соответствии с событиями личной биографии: сначала автор противопоставляет себя одному человеку, затем группе лиц, затем – социуму [1].

– «Психея» – центральный герменевтико-философский концепт «Сводных тетрадей» М. И. Цветаевой, используемый при характеристике собственного «Я». Частотность самой лексемы «Психея» в автотексте не очень высока, смысловой компонент передается именем «душа», одним из лексических вербализаторов концепта. Ядерная сфера концепта рассматривается как лексико-семантическое поле Психеи в русском языке. На уровне значимостной составляющей лексема «душа» – важная составляющая «Психеи» как формулы личности поэта. В гиперонимическое поле Психеи входят разнородные понятия с разным коннотативным компонентом в семантике – «душа», «женщина», «поэт». Структура образного компонента рассматривается как полисегментная. В текстах номинация «Психея» неоднократно сопрягается с другими, ассоциативными валентностями образа. Уровень личного мифа представлен оппозицией «тело» – «душа» [8].

В) женский автодокумент как отражение гендерных канонов эпохи:

– Когнитивная сфера мужского и формула личности самой Н. А. Дуровой выстроена с опорой на «лингвокультурный типаж» гусара (гусар как гендерно маркированный концепт, объективирующий особый тип маскулинности в гендерной системе). Заглавная автономная номинация «кавалерист-девица», представляя собой сложную в аспекте грамматического рода двухкомпонентную словоформу, определяет ее «речевой портрет» и ряд других косвенных валентностей образа. Формула «кавалерист-девица» синтезирует когнитивные сферы мужского, представленного концептом «свобода», и женского, конструируя новую гендерную идентичность. Написание автобиографического текста стало для Дуровой еще одним способом через создание «графической» самости обрести эту самость – не женскую и не мужскую (или и женскую, и мужскую), – персональную.

– Эпистолярный дискурс Захарьиной андроцентричен (даже «герценоцентричен»). Н. А. Захарьина принимает предложенные Герценом модели женского «я». Процесс самоидентификации происходит через жизнетворческий миф («творец – создание»), который в свою очередь оказывается связанным на текстовом уровне – со структурной целостностью эпистолярия: от дружественной переписки между двоюродными братом и сестрой до писем уровня бестелесного любовного братства и союза: от роли ребенка, сестры до «святой чистой девы» при мужчине – Отце и Учителе (концептуальные конструкции женственности, продиктованные мужчиной и не определяемые собственными желаниями) [9].

– К единицам, при помощи которых осуществляется языковая апелляция к гендерным концептам в дневниковом дискурсе М. К. Башкирцевой, относятся, прежде всего, прямые самохарактеристики как наиболее очевидный прием самопрезентации. Женщина успешно создает свой гендер, лишь присваивая мужской пол. Однако если «неженские» проблемы творчества она решает в рамках своего пола, создавая гендер «на материале» своего биологического пола, она оказывается лишь тенью «настоящего» гендера – мужского. Формула «женщина-творец» получает покомпонентную оценку: концепты «свобода» и «творчество» составляют периферию концепта «мужчина» и не пересекаются с когнитивной сферой «женского» [5].

– «Молодая» женская эмигрантская литература XX века являет собой случай «многоуровневой маргинализации», что не могло не отразиться на саморепрезентации автодокументального «эго» в текстах русских эмигранток. Концептуальное макропространство мемуарно-автобиографических текстов И.В. Одоевцевой и Г. Н. Кузнецовой определяют когнитивные сферы «красота», «эмоции» и «творчество» (их вербальное наполнение предельно насыщено). Концептуальная сфера «Красота» у нее актуализирует когнитивную сферу «Эмоции». Мемуары Одоевцевой преимущественно сосредоточены на литературной жизни поэтического Парнаса Серебряного века (1-я часть дилогии) и русской эмиграции (2-я часть дилогии). Творчество – одна из концептуальных доминант ее мемуаров. Творчество для писательницы-эмигрантки важно как способ заявить о себе, утвердить себя как некую значимую единицу. Наполнение концептуальной сферы «творчество» определяет доминанту речевых автопортретов Кузнецовой и Одоевцевой, тем самым реализуя концепт самоопределения – «эго». Субъективно обусловленное предубеждение к способности женщин писать сохранило диаметрально разведение сфер «женщина» и «творчество», при подобной гендерной маркировке они могут приобретать статус взаимоисключающих [4].

– В случае с Н. Н. Берберовой мы имеем дело с процессом типологизации автобиографической истории ради познания укрупненного характера на гендерной основе – женского характера, сформированного экстремальными историческими условиями. Одной из концептуальных доминант книги становится лексема «Одиночество». Само употребление расхожего штампа «жена поэта» имеет место в автобиографии лишь единожды (Н. Берберова – гражданская жена Ходасевича с 1922 по 1932 гг.). В тексте Н. Берберовой конструирование женского гендера осуществляется «на материале» стереотипов, приписываемых биологическому полу. Н. Берберова воспринимает мир как единое информационное пространство: образность Н. Берберовой вплотную соприкасается с ментальными категориями – раздумьем, мыслью, идеей. Названия глав автобиографии «Курсив мой» символичны и выступают в качестве формул ее личности (концептов идентичности). Вся образная символика Берберовой ориентирована на «мужской» модус [3];

– В целом, для женского мемуарно-автобиографического дискурса характерны андроцентричность и превалирование концепта «мужчина» в текстовой структуре (М. Башкирцева, Г. Кузнецова, И. Одоевцева, Н. Захарьина). Лингвокультурный концепт «мужчина» актуализируется значительно чаще, чем концепт «женщина». Выше у него и коэффициент разнообразия средств апелляции. В частности, когнитивные сферы мужского у названных женщин-авторов представлены концептами «свобода» и «творчество». Еще одним доказательством того, что концепт «мужчина» является более значимым, нежели концепт «женщина», служит явление андроцентричности языка (то есть ориентированность языка на мужчину), которое также отражено в мемуарно-автобиографическом дискурсе. Ядро концепта «женщина», как правило, формируют 1) социокультурный статус (часто определяемый через семейно-родственные и иные связи с мужчиной); 2) семейное положение; 3) внешность (отражены как стереотипные представления о женщине, так и свое отношение к представительницам слабого пола; так, у Берберовой имеет место стереотипизация отрицательных женских качеств, которая является ключевым компонентом к пониманию данного концепта: любвеобильность, неразборчивость в объектах любви, банальность, неинтеллектуальность, пристрастие к скандальной славе и прочие стереотипы массового сознания как концептуальные признаки). Характеристика женщин чаще всего носит обобщающий характер и соотносится со всеми представительницами слабого пола. Концепт «мужчина», наоборот, чаще всего характеризуется посредством конкретных персоналий (И. Бунин, Н. Гумилев, Г. Иванов, В. Ходасевич). В рамках «женского» когнитивного сегмента значительное количество лексических единиц, служащих входами в гендерные концепты, представлено эмотивно-оценочными апелляциями. Одним из способов реализации гендерных концептов является гендерная метафора. Наиболее представленной у рассматриваемых в работе авторов является группа гендерных метафор (как способа отражения культурных концептов), в которых на авторские образы накладываются образы различных животных, птиц, насекомых (лягушка, гадкий утенок, лебедь и др.). Использование различных образов представителей животного мира в качестве метафорической номинации человека существует давно и используется многими этносами, поэтому данный способ образования переносного значения является достаточно выразительным средством в обозначении качеств, свойств человека.

Г) автодокумент как способ построения коллективной авторской идентичности:

– В «Петербургском дневнике» З. Н. Гиппиус концептуализации и категоризации подвергается нарратив: чередование характерной для жанра дневника повествовательной формы 1-го лица единственного числа с авторским «мы». Само по себе коллективное «мы» характерно для идеологической публицистики и служит выражением групповой принадлежности к профессиональной и социальной группе, что нетипично для женских текстов и дает основание предположить, что «мужественность» выстраивается в соответствии с традиционными представлениями об активной роли «мужского» в общественных процессах. Ключевым концептом, вербализуемым автором в «Петербургском дневнике», становится концепт «Русская интеллигенция». В случае Гиппиус вообще следует говорить о репрезентации идентичности, связанной с недоминантной формой языкового поведения. Формально ее дневники – от женского «я», но модус речевой организации повествования – «мужской» (речевые агрессия и провокация как способы выражения авторского «я») [11].

Д) автор мемуаров как субъект оценки:

– Как автор контаминации мемуарных очерков и литературных портретов В. Ходасевич не только рисует, но и оценивает личность современника. В «Некрополе» объектами авторского анализа являются наиболее «репрезентативные» фигуры Серебряного века. В оценке современников Ходасевич намеренно идет против сложившихся в критике мнения и литературной репутации. Положительные и общепризнанные качества персоналий в текстовом варианте сведены к 1-2 предложениям. Ирония, переходящая в сарказм, становится доминирующим способом оценки противника и формирования его иной литературной репутации вопреки действующей. Помещение фигуры в ближний круг общения мемуариста существенно корректирует тональность предельно жесткого анализа персоналий. Его профессиональная идентичность основана на дистанцировании от любых литературных направлений и прежде всего – символизма.

Е) автобиография как способ репрезентации этнической идентичности:

– В автобиографии «Моя жизнь» Шагал представляет свою историю не только как историю своего рода, но и историю своего народа. Лексема «еврей» и ее производные встречается на страницах автобиографии 47 раз. Когнитивный компонент этнической идентичности представлен описанием традиций и ритуалов еврейской культуры и мира идишского фольклора. Этническая идентичность включает индивидуальную и коллективную идентичность разного масштаба и содержания (от семейной и этнической до общекультурной). «Семья», «Дом», «Корни» выступают в качестве традиционных культурных концептов-репрезентаторов этнической идентичности. Аффективный компонент этнической идентичности реализуется посредством оценки качеств собственной группы, значимости этого членства. Еврейское происхождение накладывало существенные ограничения на выбор места обучения и род профессиональной деятельности юного Шагала. Этническая идентичность изначально маркируется топосом. В текстовой авторской идентичности М. Шагала проявляется амбивалентность, которая обусловлена единством дифференцирующих и интегрирующих признаков. Выявленные в текстах признаки этнической идентичности определяют включенность писателя в идишский-пространство и вместе с тем служат выражением «инакости» автора.

Анализ языковых апелляций к концептам идентичности позволил выделить в них структурные и типологические компоненты. На основании полученных данных установлена общая модель конструирования идентичности в автодокументе, базирующаяся на двух разнонаправленных векторах – идентификации и отчуждения. Содержание языковых механизмов конструирования идентичности в автодокументальном дискурсе обусловлены типом идентичности и степенью ее ситуативной детерминированности (автодокумент как способ конструирования идентичности).

Литература

1. *Minets D.* Mythorealistic Concept of 'Beautiful Lady' in the Structure of the Author's Identity (Based on the Diaries of Alexander Blok) // *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016. 11 (15). P. 7465-7475.
2. *Громова Н. М.* Конструирование идентичности в Интернет-дискурсе персональных объявлений: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.
3. *Лаврова С. Ю., Минец Д. В.* Женщина-автор в лингвокультуре русского зарубежья (на материале автобиографии Нины Берберовой «Курсив мой») // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – Череповец: ФГБОУ ВПО «Череповец», 2012. № 2 (39). Т. 2. С. 110 – 113.
4. *Минец Д. В.* «Вербальные средства создания автопортрета в женском эмигрантском эго-дискурсе (на материале автодокументов И. Одоевцевой и Г. Кузнецовой)» // *Вестник Поморского университета*. – Архангельск: ГОУ ВПО «Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова», 2011. № 7. С. 184 – 186.
5. *Минец Д. В.* «Дневник» Марии Башкирцевой как автобиографическая практика: лингвогендерное прочтение // *Теория и практика общественного развития*. Краснодар: ООО ИД «Хорс», 2011. № 8. С. 380 – 382.
6. *Минец Д. В.* «Теперь я знаю, как я умру, если ... "не сделаю усилия"»: соматическое усилие письма как способ актуализации языковой личности Михаила Кузмина в «Дневнике 1934 года» // *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2013. № 4. Т. 3. С. 65-68.
7. *Минец Д. В.* «Хочу того, чего не бывает»: о концептуальной доминанте личности в «Contes d'amour» З. Н. Гиппиус // *Когнитивные исследования языка / Гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 22–24 мая 2014 г. / Отв. ред. вып. Е. И. Голованова. Москва-Тамбов-Челябинск, 2014. – С. 537 – 540.*
8. *Минец Д. В.* Концепты идентичности в «Сводных тетрадах» М. И. Цветаевой: гендерный аспект // *Казанская наука*. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2012. № 2. С. 178 – 183.
9. *Минец Д. В.* Письмо как вербализация женского опыта: к проблеме лингвогендерного анализа (на материале писем Н. А. Захарьиной к А. И. Герцену 1835 – 1838 гг.) // *Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена)*. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 14 – 16 ноября 2012 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Сага, 2012. С. 103 108.

10. *Минец Д. В.* Способы репрезентации психопатической языковой личности в тексте (на материале «Тетрадей» В. Нижинского) // Череповецкие научные чтения – 2014: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 3 ч. Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология / Отв. ред. Н. П. Павлова. – Череповец: ЧГУ, 2015. С.113-115.
11. *Минец Д. В.* Концепты категоризации как способ построения авторской идентичности в «Петербургском дневнике» З.Н. Гиппиус: гендерный аспект // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 8 / Отв. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2011. С. 165 – 169.
12. *Минец Д. В.* Гендерная интерференция в записках Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории). 1 – 3 ноября 2010 г., Череповец. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. – С. 413 – 418.
13. *Савкина И.* Идентичность и модели женственности в дневнике «приживалки» (Елисавета Попова «Из московской жизни сороковых годов») // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Второй международной конференции. М., 2002. С. 278.
14. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.